

ОТЗЫВ

официального оппонента Одинцова Михаила Ивановича
на диссертацию Хмуркина Георгия Георгиевича
«Уровень насильственной смертности среди белых священнослужителей
Русской Православной Церкви в первые революционные годы
(1917–1926 гг.)», представленную на соискание ученой степени кандидата
исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история

К числу наиболее востребованных научных тем, разрабатываемых с середины 1980-х годов российскими историками и религиоведами, относится история конфессиональной политики советского государства (1917-1991). Особый импульс научным разработкам придала т.н. архивная революция начала 1990-х годов, создавшая возможность обратиться ко многим ранее недоступным архивным материалам. На этой основе за последние десятилетия созданы тысячи монографий, книг, учебников и учебных пособий, энциклопедий и справочно-информационных материалов, сборников статей, сборников архивных материалов, диссертационных (кандидатских и докторских) исследований. Поражает многообразие вопросов, которые наконец-то получили в этих работах свое научно-объективное разрешение.

Но, тем не менее, остаются сюжеты, которым уделено явно недостаточное внимание. Одним из них является вопрос о месте, роли и количественных характеристиках насилия в революционную эпоху, в период остроконфликтных акций, проводимых государством (защита государства от внешних и внутренних врагов в ходе Гражданской войны, преодоление последствий стихийных катаклизмов и др.). Причем, насилие могло затрагивать не только значительные социальные группы и слои населения, но и относительно небольшие профессиональные группы, например, духовенство различных конфессий.

Диссертант для своего исследования избрал вопрос о масштабах насильственной смертности среди православного белого духовенства в sane в период 1917-1926 гг. Может, с первого взгляда, тема и кажется узкой, но по

глубине затрагиваемых чувств, религиозных, нравственно-идеологических убеждений, она касается всех и каждого, кто оказался в революционном водовороте, их родных и близких, членов Церкви... И цепь этих сопереживаний, тем более, если остаются неизвестными судьбы людей, тянется вот уже более ста лет. Думается, что нередко это обстоятельство – страх перед возможностью оказаться перед открывшейся болью – сдерживает исследовательский порыв. Добавим к этому недоступные нам до сих пор глубинные пласты архивных материалов, касающиеся эпохи революционного насилия, пробиваться к которым очень и очень трудно. Важен и тот момент, что исследователю требуется известная решительность, чтобы преодолевать сложившиеся за многие десятилетия и в обществе, и в Церкви, и в научных исследованиях стереотипы о масштабности, причинах и движущей силе революционного насилия в отношении духовенства и верующих.

Диссертация Г.Г. Хмуркина – первая за многие десятилетия, где ставится задача обретения нового знания в вопросе о «жертвах революции» на основе обобщения и анализа «старых» и «новых» документальных материалов, с опорой на собственную разработанную версию математического моделирования и, что очень важно, с декларированием и практической реализацией критического подхода к оценке доминирующих ныне взглядов на данную проблему, с преодолением наслоившихся умышленных и неумышленных ошибок и неточностей.

В работе использованы фонды девяти федеральных, ведомственных и региональных архивов. При этом в первую очередь целенаправленно изучались пласты относительно недавно рассекреченных документов. Привлечена масса изданных в последние 25-30 лет монографий, тематических сборников архивных материалов. Изучены периодическая печать прошлого и настоящего, в т.ч. 26 зарубежных газет; 41 кандидатская и докторская диссертации, написанные по архивным материалам нескольких десятков регионов и касающиеся событий 1917-1926 годов. Можно сказать,

что, пожалуй, впервые применительно к избранной теме исследования анализу подвержена столь объемная и разнообразная источниковая база.

Диссертант на протяжении всего исследования демонстрирует тщательность работы с архивными материалами и вообще с источниками. Всякая систематизация, сведение воедино информации из разнородных источников сопровождается скрупулезным описанием того, какой именно материал отбирался, как именно он комбинировался и обрабатывался. Для примера сошлемся на описание диссертантом выработанных им принципов извлечения информации из документов ГАРФ по «церковным делам» (Ф. Р-470) (с. 196-199).

Каких-либо претензий к содержанию и качеству исполнения традиционных структурных единиц диссертационного исследования, таких как – Введение, Заключение, Список использованных источников и литературы, нет. Все сделано добротнo, аргументированно, многоаспектно, убедительно, с должной степенью раскрытия и выявления особенностей заявленной к исследованию темы, с четкой формулировкой основных положений, выносимых на защиту. Безусловно, включенные соискателем в текст диссертации семь Приложений в виде 41 статистической таблицы, стали существеннейшей, опорной частью исследования.

Первая глава диссертации – «Насильственная смертность среди белых священнослужителей РПЦ в 1917–1926 гг.» (с. 51-141) касается таких общих вопросов, как 1) обзор представленных в исторической литературе версий подсчета количества погибшего белого духовенства в sane в 1917-1926 гг., 2) критический анализ использованных при этом методик подсчета и 3) описание методики математического подсчета, предложенной диссертантом. Каждый из вопросов рассматривается в соответствующем отдельном параграфе.

На основании анализа широкого спектра источников (документальных материалов, научной и церковной литературы, периодики, воспоминаний и дневников) автор приходит к убедительному выводу о противоречивости,

неполноте, сомнительности, определенной малой доказательности существующих к настоящему времени версий о количестве погибших. Все вместе и каждая в отдельности из них не в состоянии дать научно обоснованную и непротиворечивую оценку реальных итоговых (по стране) данных о смертности белого духовенства в sane в 1917-1926 гг. По мнению соискателя, выход из этого положения только в одном – в разработке и применении математической модели подсчета.

Как указывается в диссертации, относительно успешная попытка такого решения проблемы уже была сделана на рубеже XX-XXI вв. Имеется в виду математическая модель, разработанная Н.Е. Емельяновым на основе электронной базы данных «исповедников и новомучеников российских» («За Христа пострадавшие»). В настоящее время она поддерживается и пополняется сотрудниками Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Не отрицая в целом полезности модели Емельянова, соискатель справедливо указывает на ряд ее принципиальных недостатков, не позволяющих достоверно определить общее число пострадавших в результате репрессий представителей какой бы то ни было категории духовенства. Главное здесь – ошибочность (существенная завышенность) предложенной Емельяновым исходной общей цифры пострадавших в 0,5-1,0 млн чел., а также недостатки технического свойства формирования и поддержания Базы. В результате, количественные данные, обнародованные Емельяновым и по-прежнему используемые в церковных материалах и предлагаемые обществу как «достоверные», таковыми на деле не являются.

Диссертант предлагает свою математическую модель подсчета количества белого духовенства, погибшего насильственной смертью в 1917-1926 гг. Она нацелена на то, чтобы выделить наиболее существенные факторы исследуемого явления и дать им количественную оценку. По сути, это ключевой вопрос диссертации, и автор дает свой ответ: количество белых

православных священнослужителей, убитых в период 1917-1926 гг., составляет не более 2,3% от общего числа пострадавших.

В качестве доказательства столь неожиданного, особенно для сторонников «традиционных данных», сформировавшихся в начале 1990-х годов, результата «работы» модели, автор соотносит свои полученные цифровые данные, как с Базой, так и с документальными материалами из архива ЦА ФСБ, находя в них подтверждения своим выводам.

Но, как представляется, все же требуется еще определенная апробация предложенной модели и ее неоднократное использование исследователями-специалистами по данной теме, дабы окончательно подтвердить ее корректность. Очевидно, можно апробировать авторскую математическую модель и в отношении иных трагических обстоятельств отечественной истории.

Вторая глава – «Количественные итоги репрессий в отношении белых священнослужителей РПЦ в 1917–1922 гг.» (с. 142-249) посвящена конкретным событиям периода 1917–1922 гг., с которыми традиционно связываются утвердившиеся в отечественной и зарубежной историографии, церковной и научно-популярной литературе, в публицистике цифры погибших: «красный террор» в Петрограде и в Петроградской губернии (1918); гражданская война на Юге России (1917–1919); кампания по изъятию церковных ценностей (1922). Каждому из этих событий посвящен отдельный параграф.

Как резонно отмечает соискатель, применительно к данным событиям в современных российских публикациях прежде всего используется некритически заимствованный из белоэмигрантской, зарубежной, «советологической», диссидентской литературы тезис о масштабных жертвах среди населения (в том числе и верующего), который «подкрепляется» цифрами значительного общего числа пострадавших, а также погибших среди духовенства. Понятно, что статистическая «мифологизация» задумывалась и осуществлялась изначально, поскольку никаких

документальных данных в подтверждение этих утверждений не приводилось. Вместе с тем, свою лепту в мифологизацию статистики насильственной смерти привнесли и российские исследователи, особенно на волне т.н. гласности и перестройки и в постсоветский период.

В отношении каждого из событий, рассмотренных в главе, диссертант использует единый алгоритм действий: во-первых, формирование цепочки всех опубликованных статистических сведений применительно к каждому известному факту с наличием потерпевших. Во-вторых, глубокая «ревизия» каждого из фактов и сопровождающих их количественных данных о пострадавших на подлинность, точность, транспарентность с опорой на результаты собственных поисков в архивах или на сборники архивных документов. В-третьих, выявление лакун в статистических цепочках и их заполнение проверенными достоверными данными, почерпнутыми, прежде всего, из архивов.

Каковы же результаты исследования диссертанта? В каждом из трех примеров, взятых для анализа событий и их последствий, убедительно доказана ошибочность используемых вот уже многие годы количественных данных насильственных смертей духовенства.

Как сообщалось на страницах самых различных изданий, в Петрограде в 1918 г., в ходе «красного террора», погибло 550 представителей православного духовенства. Соискателю удалось установить, что данная цифра указана в документе, подписанном М. Лацисом, и она изначально носила ошибочный характер. В диссертации высказана иная точка зрения: в 1918 г. в Петрограде погибло не более 33 представителей духовенства. (с. 178). Правда, отметим, что и диссертант допускает отдельные неточности, в частности, утверждая о применении силы в отношении священника П.И. Скипетрова. На самом деле, он получил смертельное ранение в результате несчастного случая.

В различных источниках, ссылаясь на данные Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоявшей при

Главкомандующем вооруженными силами на Юге России, утверждалось, что на Юге России в 1917-1919 гг. от рук большевиков погибло порядка 28 епископов и около 1200 священников (по другой версии – 320000 священнослужителей). Но, как пишет диссертант, проведенный поистине титанические архивные разыскания, данные факты «не нашли подтверждений» (с. 202, 205).

Наконец, относительно событий, связанных с изъятием церковных ценностей в период масштабного голода в Поволжье (1922), в эмигрантских, а в последующем и в российских изданиях, назывались, как правило, цифры от 8100 до 140000 погибших верующих и священнослужителей. Но, по аргументированному мнению диссертанта, цифры эти завышены, и, если говорить об общем (по стране) числе погибших православных белых священнослужителей, то оно измеряется десятками человек. Опираясь на свою математическую модель подсчета, соискатель уточняет, что цифра потерь не может превышать 79 чел. (надежность оценки – не менее 90%). (с. 236).

Обобщая статистику насильственных смертей белого духовенства за период с 1917 г. по 1926 г., диссертант приходит к выводу, что погибло не более 1,6 тыс. человек, что составляет менее 2,3% от общего числа людей, которые в указанные годы хотя бы какое-то время были белыми священнослужителями. Делается важное уточнение: внутри указанного хронологического отрезка численность жертв распределена неравномерно. Если в довоенный и послевоенный период (1917 и 1923–1926 гг.) это десятки погибших, то в наиболее острую фазу Гражданской войны (1918–1919 гг.) – от 1 тыс. до 1376 чел. погибших.

Подытоживая, на основании всего вышеизложенного, мы можем вполне согласиться с выводами диссертанта относительно того, что:

- большинство встречающихся в отечественной научной и церковной историографии цифр, характеризующих масштабы

насилия в отношении православного белого духовенства в первое революционное десятилетие, не имеют достоверного документального подтверждения, и к тому же разнятся между собой на несколько порядков.

- никакая из существующих в современной литературе количественных оценок смертности православного белого духовенства в 1917-1926 гг. не может быть принята как окончательная и достоверная, поскольку зачастую такие оценки носят политико-идеологизированный или мировоззренческо-ограниченный характер; к тому же они не опираются на достаточный источниковедческий анализ, на материалы дореволюционной и послереволюционной общей и церковной статистики.

- современное состояние источниковой базы по данной проблеме позволяет утверждать, что прямой поименный подсчет погибшего православного белого духовенства в 1917-1926 гг. невозможен по вполне объективным обстоятельствам — нет исчерпывающей документальной базы. В силу таких обстоятельств, наиболее приемлемым выходом в этой ситуации является построение математической модели изучаемых демографических процессов.

- математическая модель Н.Е. Емельянова, опирающаяся на информационную базу данных «За Христа пострадавшие», имеет существенные недостатки. Итоговые абсолютные цифры «притеснений», получаемые этим методом, могут значительно отличаться от реальных — быть как заниженными, так и завышенными, причем в разы, в десятки и сотни раз, что не позволяет использовать их в научных работах как достоверные и давать на их основе оценку государственно-церковным отношениям.

- разработанная диссертантом математическая модель подсчета уровня насильственной смертности белого духовенства и примененная соискателем в диссертации показала положительный результат, способствуя формированию обобщенной и проверяемой статистической информации.

Таким образом, рецензируемая диссертация привела к существенному приращению исторических знаний, позволяющих на объективной основе уточнить конфликтность и последствия государственно-церковных отношений в первое революционное десятилетие (1917-1926). Материалы исследования могут быть использованы при написании работ по истории Русской православной церкви, а также общих и специальных курсов по Отечественной истории, религиоведению и теологии.

Вместе с тем, диссертация не лишена отдельных недостатков, по поводу которых хотелось бы высказать следующие замечания и соображения:

1. В числе терминов, постоянно используемых диссертантом, присутствуют такие: «террор», «репрессии», «расправы», «гонения», но никак не раскрываются их правовое содержание и взаимосвязанность с общей судебной системой применительно к конкретному времени, о котором повествует исследователь. Но, ведь, сущностное и правовое понимание, допустим, терминов «террор» и «репрессии», в 1917 г. в царской России – это одно, в период Временного правительства – это другое, а в советскую эпоху – третье! Получается, что, например, применительно к третьему хронологическому отрезку, автор «террором» и «репрессиями» называет меры уголовно-административного преследования государством лиц, нарушавших соответствующие действующие законы. Хотя сам же убедительно свидетельствует,

что требуется серьезная корректировка мифологизированной репрессивной статистики, на которой и выстраивались мифы о церковных «терроре» и «репрессиях».

2. Диссертант своим основным оппонентом в части создания и использования информации по вопросам государственно-церковных отношений и статистики насильственной смертности среди белого духовенства в 1917-1926 гг. рассматривает эмигрантские и советологические работы. Однако, по тексту складывается впечатление, что «разоблачение» этих работ есть дело только диссертанта. Как-то уходит в тень, что вся «эмигрантско-советологическая мифология» создавалась исключительно в целях идеологическо-психологической войны против Советской России-Советского Союза, в том числе против его конфессиональной политики. И не будем забывать: дабы оправдать свое интервенционистское вмешательство в Гражданскую войну в России, а в последующем и новое возможное военное вторжение европейских держав в СССР. В этих условиях и центральные партийные органы, и правительство, и практически все наркоматы жестко, постоянно и доказательно опровергали зарубежные вымыслы. К сожалению, эта линия в работе раскрыта куда как менее акцентированно, чем этого она заслуживает. Тогда как, если посмотреть на основные выводы диссертанта, то они весьма близки к позиции Советской России.

3. Одной из задач диссертанта было дать объективную статистическую информацию о насильственной смертности белого духовенства по событиям, происходившим в Петроградской губернии (1918), на Юге России (1917-1919) и в ходе кампании по изъятию церковных ценностей (1922). Но нельзя говорить просто о цифрах, не принимая во внимание

исторический фон, на котором они появились. Как представляется, он явно недостаточно проработан и порой малоубедителен. Неподкрепленные объяснением причин и обстоятельствами появления, цифры ничего не доказывают. Как через них показать степень напряженности государственно-церковных отношений, указать на причины эскалации насилия, подтвердить или опровергнуть имеющиеся в литературе расхожие мнения по этим вопросам? В списке литературы, приведенной автором, достаточно работ по данным сюжетам, на которые можно было бы хотя бы сослаться и определить собственную позицию, с которой автор исследует тему. Такой подход придал бы дополнительную убедительность аргументам и выводам автора.

4. Диссертант, к сожалению, не использовал в своей работе историко-религиоведческий постулат, описанный в ряде трудов российских исследователей государственно-церковных отношений – о поступательной смене мировоззренческих типов государств, что и объясняет сущность и содержание конфессиональной политики государства и характер отношений с религиозными организациями в тот или иной хронологический период. В связи с этим, он не принял во внимание, что с февраля 1917 г. Россия вступила на путь практического разрушения прежнего мировоззренческого типа государства – клерикального (православно-христианского) и строительства нового мировоззренческого типа государства – государства светского. Если Церковь потеряла всего того, что ей ранее давало клерикальное государство, частью которого она была, воспринимала как «гонения», то и Временное правительство, и советское правительство не признавали «гонений», а говорили об осуществлении на практике тех или иных обязательных

положений, свойственных модели светского государства: светскость государства, государственной школы и метрикации, национализация церковной собственности, равенство религий и граждан, независимо от их мировоззренческих представлений, национализация церковной собственности, исполнение религиозными организациями и верующими общих законов государства и законодательства о культах и др. Не учитывая данных обстоятельств, автор невольно некритически смыкается с церковной точкой зрения, оставляя в забвении права нового государства – светского.

5. Диссертант неоднократно использует данные из продолжающегося справочника «За Христа пострадавшие», который издается Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом. К настоящему времени опубликовано 14 книг справочника. Однако диссертант в своих подсчетах опирается на обработку лишь первых шести книг (с. 138, 235, 356, 367, 401). Не вполне ясно, чем объясняется такая избирательность?

Тем не менее, представленная к отзыву диссертация, несмотря на вышеотмеченные недостатки, написана на должном профессиональном уровне, является новой, самостоятельной, внутренне единой и завершенной работой. Достигнутые научные результаты коррелируют с поставленными целью и задачами, решение которых весьма значимо для развития отечественной историографии и обладает практической ценностью.

В ходе предпринятого исследования автор опубликовал 11 научных статей, в том числе 4 – в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК РФ. Все они, как и автореферат Г.Г. Хмуркина, соответствуют избранной теме диссертации и в полной мере отражают ее сформулированные положения и выводы. Основные результаты работы

прошли апробацию на 3 международных, 3 всероссийских и 2 региональных научных конференциях.

Таким образом, диссертация Хмуркина Георгия Георгиевича «Уровень насильственной смертности среди белых священнослужителей Русской Православной Церкви в первые революционные годы (1917–1926 гг.)» является законченным исследованием и соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук п.п. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней» (утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842), а ее автор, Хмуркин Георгий Георгиевич, заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Официальный оппонент – доктор исторических наук (тема докторской диссертации «Государственно-церковные отношения в России (на примере отечественной истории XX века)», специальность 02.22.00 Религиоведение), профессор, главный специалист Центра документальных публикаций Федерального казенного учреждения «Российский государственный архив социально-политической истории»

4 июня 2026 г.

Михаил Иванович Одинцов

Место и адрес работы оппонента:

Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив социально-политической истории» (РГАСПИ).

125009, г. Москва, ул. Большая Дмитровка, д. 15.

Тел: 8(495)694-51-12, e-mail: rgaspi@inbox.ru

Адрес места жительства оппонента:

115432, г. Москва, ул. Трофимова, д. 9, кв. 216.

Тел: 8 (916) 384-42-34, e-mail: mosoir@mail.ru.

Одинцова ММ

ГЛАВНЫЙ СПЕЦИАЛИСТ
МЕТОДИЧЕСКОГО ОТДЕЛА

04 ИЮН 2026

О.В. Лобова